

Во что одевались жители Петрограда в феврале – октябре 1917 г.

В. В. Бобровников

В статье речь идет об одежде и моде в революционном Петрограде в феврале – октябре 1917 г. Для решения поставленных в исследовании задач были проанализированы периодические издания и свидетельства современников за рассматриваемый период времени. Сделан акцент на изменениях в повседневном гардеробе городских обывателей, произошедших под влиянием революции и военного времени. Показана доступность различных элементов одежды как товара первой необходимости. В годы войны основная масса производимых тканей направлялась на нужды фронта, в силу чего на гражданский рынок почти ничего не поступало. Новыми тенденциями революционной поры являлись эгалитаризм и пришедшая с улиц мода на красный цвет, имели популярность военные и траурные фасоны. Журналы мод предлагали экономичные образцы одежды, печатали советы по пошиву вещей в домашних условиях. Начавшаяся летом забастовка прислуги привела к резкому скачку тарифов, что закономерно привело к отказу потребителей от услуг прачечных. Наблюдался острый дефицит обуви в городе, в силу чего уже летом городские власти приняли решение организовать карточное нормирование отпуска обувных изделий. Тем не менее принятые властями меры не удовлетворяли потребительского спроса, а на рынке цена обуви и других элементов гардероба выросла в несколько раз. Острый дефицит тканей привел к нормированному их распределению осенью 1917 г., даже состоятельные граждане в таких обстоятельствах не могли позволить себе покупку готового платья.

Ключевые слова: городская повседневность, костюм, мода, обувь, одежда, Петроград, революция, 1917 г.

Для цитирования: Бобровников В. В. Во что одевались жители Петрограда в феврале – октябре 1917 г. // История повседневности. – 2023. – № 2. – С. 110–125. DOI 10.35231/25422375_2023_2_110

Введение

Предлагаемое исследование посвящено одежде и моде революционного Петрограда в феврале – октябре 1917 г.

Несмотря на то, что вопросам истории повседневности уделяется большое внимание в современной историографии, отдельные аспекты истории революционной повседневности представлены недостаточно полно. Так, вопросы моды и доступности одежды, как товара первой необходимости, не стали предметом самостоятельного научного исследования. Среди работ, затрагивающих данную проблематику, стоит выделить труды по истории одежды и моды Т. К. Стриженовой¹ [1], книгу известного современного историка моды М. А. Виртанен [2]. В этом же ряду стоят работы К. Руан [3], С. В. Журавлева, Ю. Гронова [4]. Особенности потребительского поведения женщин в годы Первой мировой войны посвящена статья Е. А. Агеевой [5]. Влияние военного и революционного времени на одежду и моду рассмотрены в статье В. П. Федюк [6] и книге Я. И. Ривош [7]. Сюжет о забастовке прислуги в Петрограде, в том числе и прачек, представлен в коллективной монографии под общей редакцией доктора исторических наук, профессора В. А. Верменко [8].

Целью статьи является выявление изменений в повседневном гардеробе населения Петрограда, произошедших под влиянием революционных событий 1917 г. Для этого в исследовании ставятся следующие задачи: выявить источники, отражающие проблему одежды и моды Петрограда в феврале – октябре 1917 г., проанализировать, как условия войны и революции сказались на повседневном гардеробе городских обывателей, показать доступность одежды как товара первой необходимости.

В работе использованы методологические подходы, характерные для истории повседневности. Системно-функциональный подход предполагает рассмотрение проблемы одежды и моды как целостного явления, включающего различные аспекты экономической и социальной сфер жизни общества. Метод причинно-следственного анализа позволяет выявить особенности влияния экономического положения военного и революционного времени на повседневный гардероб городского населения.

¹ Стриженова Т. К. Развитие искусства советского костюма (1917–1967): автореф. ... канд. искусствоведения. М., 1971. 15 с.

Источниковую базу исследования составили многообразные периодические издания. Это женские журналы «Вестник моды» [9] и «Дамский мир» [10], в которых публиковались модные новинки, а также советы по пошиву одежды в домашних условиях, ежедневные газеты «Петроградский голос» [11], «Петроградский листок» [12] и «Петроградская газета» [13], публиковавшие хронику городских происшествий, и юмористические журналы [14–16]. Также в работе использованы дневники и воспоминания современников [17–25].

Результаты

Революционные события 1917 г. коснулись всех аспектов повседневной жизни населения Петрограда, нарушив ее привычный уклад [26, с. 15]. Условия экстремальной повседневности внесли свои коррективы в гардероб городских обывателей. Тем не менее люди продолжали одеваться и обуваться, высказывая определенные предпочтения в одежде, сообразные духу времени и условиям переживаемого момента.

Мода и стремление модно одеваться в России начала XX в. прочно ассоциировались с городской культурой. Модный костюм, стоивший немалых денег, рассматривался современниками как украшение и признак социального статуса. Модная одежда была связана исключительно с индивидуальным пошивом в ателье, услугами которого могла воспользоваться лишь обеспеченная часть населения. Портные модных ателье занимались в основном копированием тенденций парижской моды [4, с. 61].

Проблемы с одеждой в России начались уже в 1916 г. В условиях военного времени текстильные фабрики и мелкие производители изготавливали преимущественно грубые ткани и обувь для армии [2, с. 9]. На нужды гражданского населения сырья не хватало [6, с. 181]. В дефиците оказались простые ткани, такие как полотно, бязь, ситец [1]. Поставки модных товаров из Вены, Берлина и Брюсселя прекратились полностью, а Парижа – сильно сократились [2, с. 10]. В объявлениях все чаще предлагалось купить платья в рассрочку, а некоторые ломбарды стали принимать одежду [13, № 79, с. 6].

Социальные градации ярко прослеживались при сравнении одежды разных слоев городского общества – от роскошных ту-

алетов верхушки в стиле модерн до одежды мелких служащих [1]. Представление о туалетах состоятельной части общества накануне революции можно было получить, например, попав на заседание Государственного совета [20, с. 127]. Так, освещая заседание, состоявшееся в конце февраля, корреспондент газеты «Петроградский листок», акцентируя внимание на ложе для публики, отмечал: «Очень много дам. Костюмы от лучших портных. Шелк, бархат. Видно, что борьба с роскошью еще не вступила в права» [12, № 60, с. 3]. Прима-балерина Мариинского театра, известная на весь Петроград модница Матильда Кшесинская, накануне революции была обладательницей роскошного гардероба. Спешно покидая свой особняк во время февральских событий, она «надела самое скромное из своих меховых вещей, чтобы быть менее заметной: черное бархатное пальто, обшитое "шиншилла", и на голову накинула платок» [21, с. 255]. «Проезжая как-то мимо моего дома, я увидела Коллонтай, разгуливающей в моем саду в моем горностаевом пальто», – вспоминала балерина [21, с. 270].

Предпринимались в Петрограде и попытки организовать компанию по борьбе с чрезмерной роскошью. В феврале Общество по борьбе с роскошью объявило о создании «черной доски», в которую бы заносились имена театралов, позволявших себе носить роскошные наряды. Однако дальше декларации дело не дошло [5, с. 154]. Столичные журналы мод призывали к экономии и сдержанности, использованию более дешевых и доступных материалов при изготовлении одежды. «И по войне можно наряжаться, но в ситец, нансук, бумажный репс, украшая эти ткани сатином, самодельными отделками, небольшими ручными вышивками» – такие рекомендации встречаются на страницах женских журналов весной 1917 г. [10, № 4–5, с. 4].

Тем не менее объективным фактором, диктовавшим манеру одеваться, была нехватка необходимых материалов. Революция также внесла обстоятельства идеологического характера. В частности, подчеркнутый эгалитаризм в одежде и отказ от каких бы то ни было внешних отличий. Ориентиром для подражания становилась манера одеваться, характерная для социальных низов. Это можно было считать средством самозащиты в условиях, когда порядки в стране диктовала улица [6, с. 181]. Даже новые министры одевались подчеркнуто де-

мократически. Один из видных деятелей революции, А. Ф. Керенский, в бытность депутатом Государственной думы одевавшийся элегантно, с первых же дней революции внес изменения в свой повседневный облик. «На нем был пиджак, а воротничок рубашки – крахмальный, с загнутыми углами. Он взялся за эти углы и отодрал их, так что получился вместо франтового какой-то нарочито-пролетарский вид...», – вспоминал В. В. Набоков [22, с. 15].

Изменения в облике городских обывателей в сторону большей демократичности и стирание внешних отличий между представителями разных слоев общества отмечали корреспонденты городских газет. «Посмотрите на костюмы в театрах – самые демократические. Вместо изящных смокингов – куцые пиджаки и косоворотки, вместо нарядных туалетов – простые кофточки и блузки. Только красный цвет и в ходу. Как изменился Невский! Из улицы роскоши, моды обратился он в самую демократическую», – сообщал мартовский номер газеты «Петроградский листок» [12, № 78, с. 2].

Революция 1917 г. рождала новые тенденции. Модным веянием было увлечение красным цветом, пришедшее прямо с революционных улиц [2, с. 12]. Одним из символов революционной моды были красные банты. В Петрограде их можно было увидеть на депутатах Госдумы и рабочих Выборгской стороны [25, л. 31]. Юмористический журнал «Стрекоза» сообщал, что даже М. Кшесинскую видели «в революционной шляпе с двухаршинными красными лентами» [16, № 30, с. 15]. Надели банты и генералы действующей армии, солдаты и воспитанницы института благородных девиц [24, л. 82]. Современница рассматриваемых событий, педагог О. В. Синакевич вспоминала:

3 марта была у Думы. Пошла в торжественную минуту, когда присягал новому правительству 6-й саперный батальон. Духовой оркестр исполнял Марсельезу, за ними несли красное знамя и шли генералы с красными бантами на погонах, за ними полк, – солдаты и офицеры, – все с красными лентами в петлицах и на фуражках [23, л. 92].

Женщины, простаивавшие часами в хвостах за продуктами питания, декорировали себя красными бантами. «Без этого теперь опасно показываться на улицу», – отмечали современники

[23, л. 94]. «Даже образа в церквях кое-где украшались красными бантами», – вспоминала З. Н. Гиппиус [19, с. 60].

Увлечение красным цветом нашло отражение и в юмористической культуре. Так, одна из сатирических зарисовок апрельского номера журнала «Пугач» воспроизводила беседу двух светских дам по телефону:

– Когда революция, то везде стреляют, но я не про стрельбу, я про то, что сегодня мне звонили из мастерской madame Жюли. Представь, платье vieux rose не будет готово... / – А ты... Что? Заказала вместо платья vieux rose ярко красное? Как знамя восстания? Это будет модно? Послушай, а ведь это идея! Ярко красное платье, черная шляпа, черные чулки и красные туфли... Это будет стиль республики [15, № 1, с. 10].

Даже на карикатурах в 1917 г. свобода изображалась в виде дамы в красном платье и красном фригийском колпаке [14, № 21, с. 13].

Яркой иллюстрацией моды революционных улиц являлась апрельская демонстрация 1917 г., освещавшаяся петроградской прессой. «Грандиозное шествие было устроено рабочими и работницами Невского завода. Все работницы были одеты в особые костюмы и головные уборы из белой и красной материи, приготовленной специально для этого дня», – сообщала «Петроградская газета» [13, № 90, с. 3].

Популярным способом презентации модных новинок в начале XX в. были модные журналы [3, с. 129]. Тем не менее, в связи с тяготами военного времени, их число значительно сократилось. В частности, популярный женский журнал «Вестник моды», выходящий в мирные годы еженедельными тиражами, с июня 1917 г. стал издаваться по одному номеру в месяц.

В связи с затянувшейся войной большое внимание на страницах модных журналов отводилось траурным туалетам, рассчитанным на различный вкус и материальный достаток: «траурное платье для женщины средних лет, платье для скромного траура, нарядное траурное платье из шелковой вуали и английского крепа, простое траурное платье, траурные шляпы с вуалью» [9, № 2, с. 27].

Дефицит простых тканей, а также условия военного времени породили моду на своеобразный стиль «милитари». Гражданская

одежда начинала приобретать сходство с военной формой [6, с. 187]. Так, на страницах весеннего номера «Вестника моды» появился жакет военного фасона для костюма тальер [9, № 7, с. 120]. Также в моду вошли накладные карманы, стеганные жилеты из фланели, заимствованные из военной униформы. Наглядным проявлением того, как специальная военная одежда влияла на гражданскую моду можно считать инструкцию по изготовлению головного убора французской медсестры, помещенную в летнем номере журнала. Головной убор состоял из батистового квадрата, кругом подшитого рубчиком. Сестры Красного креста надевали его одним краем на лоб и концы складывали сзади. Такую «грациозную и практичную» повязку предлагалось использовать для домашних работ [9, № 13–14, с. 192].

Появлялись и фантазии на тему русских национальных костюмов, в которых видели замену заграничным европейским образцам, снабжение которыми даже столичного Петрограда с каждым днем все более затруднялось. Сложившееся положение предлагалось использовать для создания самобытной русской моды на основе форм национального русского костюма [27, № 5, с. 9]. Московский журнал «Женское дело» опубликовал на своих страницах модели одежды, выполненные по рисункам художницы Риммы Бриаловской, создававшей рисунки костюмов на основе преобразованных русских образцов. Костюмы были легко выполнимы из материалов, имеющихся под рукой, и сравнительно дешевы в изготовлении [27, № 5, с. 9]. Русские блузы и кафтаны, сарафаны из ярко-красного шелка или полотна, платья «русского фасона» наводнили страницы столичных модных журналов [27, № 6–7, с. 9].

Презентации новых модных домашних туалетов сопровождались размышлениями с отсылкой на тяжелые условия переживаемого момента.

В военное время простые платья являются единственным нарядом для многих женщин, отдающим предпочтение скромным туалетам без лишних отделок. Простые платья для визитов и вечеров очень удобны. Платья отличались простым фасоном и отсутствием отделок. Для них требовалось меньше материала и изготавливались они быстрее, для них употреблялись саржа, бумажный бархат [9, № 5, с. 74].

В предлагаемых моделях одежды подчеркивалась их простота и экономичность. «В настоящее время, когда многие дамы, привыкшие к услугам горничной, должны многое теперь делать сами, практичнее всего для утренних занятий по хозяйству прямое платье в виде халата сиделки», – рекомендовал весенний номер журнала «Вестник моды» [9, № 8, с. 116].

Женские журналы заполнили советы по перешиванию старых вещей и экономии при раскрое тканей для пошива одежды в домашних условиях [2, с. 10]. «В настоящее тяжелое время, когда все мы должны до минимума сократить расходы на свои туалеты, удобны и практичны для нас разнообразные блузы. Для изготовления легких и теплых блуз можно употребить самые разные остатки, которые найдутся дома», – писал «Вестник моды» [9, № 8, с. 119]. Прозрачные блузы обычно одевали на легкий шелковый чехол, который защищал от холода, что было особенно актуально, когда в квартирах было свежо из-за недостатка топлива [9, № 8, с. 119].

Революция принесла в повседневную жизнь горожан и такие обстоятельства, в случае которых даже советы модных журналов мало чем могли помочь. Летом 1917 г. в столице забастовала прислуга: официанты, дворники и прачки. Бастовавшие вернулись к своим обязанностям лишь после удовлетворения требований, а именно повышения заработной платы. Резко поднявшиеся тарифы повлекли за собой отказ населения от подорожавших услуг [8, с. 372]. «Одна за другой закрываются прачечные, главной причиной служит безработица. Но откуда быть работе, если нет охотников платить рубль, а то и дороже, за стирку крахмальной сорочки и по копейке за стирку воротничка?», – отмечала столичная пресса [11, № 179, с. 2]. «Сейчас в Петрограде редко на ком увидишь крахмальный воротничок; во всех семействах нанимают поденщицу. Некому гладить и поэтому все носят мягкое белье. Повысив цены, профессиональные прачки потеряли 4/5 работы. В мятом белье являются на службу, в театры, в клубы и теперь никто уже не считается с таким "мещанством". / – Видите эту блузу? – говорит на днях одна элегантная дама / – сама выстирала. / – Да не может быть. / – Все сама стирала», – такие заметки встречались на страницах городских газет [11, № 179, с. 2].

Летом 1917 г. из-за дефицита товаров городская дума Петрограда выступила с идеей создания комитета по снабжению населения обувью и платьем и ввести карточки [2, с. 10]. Обувь стала острым дефицитом еще весной 1917 г., появлялась в продаже редко и стоила очень дорого. Чтобы обусть десятиmillionную армию, власти фактически ввели монополию на заготовку кожи, что закономерно привело к нехватке сырья для нужд гражданского населения [6, с. 185]. Модницам рекомендовалось приобретать кожаные лапти, в то время как прислуга отказывалась выходить на улицу, не желая снашивать башмаки [2, с. 12]. «Шла дама по Таврическому саду. На одной ноге туфля, на другой – лапоть», – писала в дневнике З. Н. Гиппиус [19, с. 121].

Уже весной предпринимались попытки установления фиксированной цены на обувь. Так, по постановлению министра торговли и промышленности А. С. Коновалова в апреле 1917 г. предлагалось ввести таксу на обувь:

сапоги из шевро с голенищем мужские рантовые – не выше 47 р. 50 к., гвоздевые – 45 р. Башмаки мужские рантовые не выше 28 р. 75 к., гвоздевые – 27 р. 50 к., дамские – не выше 25 р. 60 к. Полуботинки мужские рантовые – 26 р. 75 к., гвоздевые – 25 р. 50 к., дамские – 23 р. 75 к. Открытые туфли на 1 р. дешевле в паре с соответствующего вида полуботинками [12, № 81, с. 4].

«Хвосты» возле обувных магазинов не уступали очередям за продовольственными товарами. Очереди за обувью собирались за двое суток до начала продаж [12, № 187, с. 5]. 21 июля 1917 г., по сообщениям столичной прессы, у магазина «Скорород» на Невском собралась очередь в 1000 чел. Были вызваны конные отряды солдат, которые окружили магазин с целью предотвратить разгром [28, № 116, с. 2]. Наглядным проявлением обувного кризиса были беспорядки, случившиеся в августе на Васильевском острове, вызванные нехваткой обуви в магазине «Скорород» [12, № 193, с. 4].

Для преодоления дефицита летом состоялось совещание городских властей с главными производителями обуви, было предложено передать распределение обуви в ведение города при участии районных управ. Предполагалось карточное нормирование его как товара первой необходимости. Совещание постановило распределение обуви осуществлять организация-

ми районных дум, путем выдачи каждому потребителю специального талона на право получения обуви [12, № 182, с. 4].

В июне 1917 г. городские власти предложили меру по рационализации распределения обуви среди городского населения и преодолению спекуляции обувью на рынке. Так, предлагалось возложить контроль за обувью на домовые комитеты. Они должны были составлять списки кандидатов на получение обуви. Комитеты давали удостоверение, по которому можно было получить ордер на обувь в местном продовольственном комитете [12, № 143, с. 12].

С сентября районные продовольственные управы стали выдавать населению ордера на получение обуви и галош. По подсчетам одна пара обуви приходилась на 55 чел., считая мужчин, женщин и детей, что не удовлетворяло потребности всех нуждающихся. С галошами дело обстояло чуть лучше: их приходилось по одной паре в расчете на 10 чел. Однако и нехватка галош в условиях дождливой осенней погоды давала о себе знать. По замечаниям столичных газет, «галош в свободной продаже нет ни за какие деньги, а на улице тем временем грязно и обувь без галош портится» [12, № 216, с. 3]. «Галоши сделались настолько дорогой вещью, что зрители Александринского и Мариинского театров отказываются снимать галоши при входе в зрительный зал», – сообщали современники [12, № 247, с. 9].

Отмечался невероятный рост цен на потребительском рынке одежды [18, с. 135]. Так, цены на обувь, по замечаниям периодических изданий, выросли в пять раз в сравнении с довоенными [29, № 215, с. 2]. «В то время, как по ордеру продовольственной управы нельзя купить сапоги и галоши, их можно купить из-под полы в любом магазине обуви: сапоги от 90 до 130 рублей, а не по ордеру за 37 рублей, и галоши по 15 рублей», – констатировала столичная пресса [13, № 235, с. 2].

Ажиотажный спрос на рынке и острая нехватка сырья привели к тому, что имели место случаи продажи некачественной обуви, изготовленной из суррогатов кожи с картонными подшивками. В розничную продажу такая «бумажная обувь», по выражению современников, поступала по обычно высоким ценам того времени [12, № 179, с. 4]. Появилась и сравнительно недорогая обувь с подметками из линолеума, неудобная тем, что не сгибалась при ходьбе [12, № 54, с. 4].

Для удовлетворения потребительского спроса городские власти предприняли попытку наладить поставки готовой одежды из-за границы. Так, летом 1917 г., по замечаниям прессы, «в городе распространялись слухи, что городская центральная дума в скором времени откроет магазин готового мужского платья, где будет продаваться пиджачный костюм по 107 рублей и пальто по 120 рублей» [13, № 162, с. 3]. Секретарь городского главы объяснял, что готовое платье по такой цене предлагал городу представитель английского общества «Вильямс Вик и Компани» [13, № 162, с. 3]. В начале октября Русское кооперативное общество снабжения обувью сообщило о прибытии в город партии американской обуви [12, № 245, с. 1].

Осенью 1917 г. из-за острой нехватки тканей значительно повысились рыночные цены на различные элементы повседневного гардероба. «Из-за высоких цен на ткани стоимость готового белья значительно возросла. Доместик за аршин от 2 рублей 50 копеек до 3 рублей. При таких расценках стоимость готового белья дошла до чрезвычайных размеров», – отмечали столичные издания [12, № 217, с. 5]. «Сейчас готовая верхняя сорочка стоит от 5 рублей 50 копеек до 18 рублей, причем за 5 рублей 50 копеек можно приобрести только отчаянный хлам. Крахмальные воротнички дошли до 2 рублей 60 копеек за штуку, манжеты до 4 рублей. Носки, стоившие в 1914 году 60 копеек, а в 1916 году 1 рубль 50 копеек, стоят сейчас 2 рубля 50 копеек. Нет сукна дешевле 40 рублей. Костюм на заказ стоит у перворазрядного портного 500–600 рублей, у остальных – от 300 рублей. Картуз, самый обыкновенный суконный стоит 6–7 рублей, касторовая шляпа – 25 рублей, фетровая – 40 рублей» – такие цены приводит корреспондент издания «Петроградский листок» [12, № 217, с. 5].

К концу сентября острая нехватка ткани привела к принятию городской думой мер по полному запрету на вывоз из столицы хлопчатобумажных тканей. Предполагалось нормированное распределение тканей, так что ни один магазин без особого разрешения районной думы не мог отпустить имеющейся у него материи. «Не всякий будет иметь возможность заказать себе новый костюм, так как выдача материи становится под контроль местного домового комитета. На каждый дом будет выдаваться по разверстке определенное количество тканей. В первую очередь удовлетворяются семейные граждане. Портные будут

лишены возможности шить костюмы из своего материала. Преподобней погони за модой уже вероятно не будет», – писали столичные газеты [12, № 227, с. 2]. Если в феврале супруга художника А. Н. Бенуа еще могла при помощи портнихи переделать старое вечернее платье и иметь на ужине у французского посла М. Палеолога «очень нарядный вид», то уже в сентябре супруги Бенуа отказались от приглашения на обед по причине отсутствия приличного вечернего платья [17, с. 109–197]. Той же осенью дамский журнал «Вестник моды» поместил у себя подробную инструкцию по пошиву мужской рубашки из полотна или фланели [9, № 16, с. 216]. Случай, ранее из ряда вон выходящий, так как мужской костюм на дому изготавливать было не принято, стал возможным в условиях сложившихся в городе обстоятельств.

Обсуждение и выводы

Таким образом, условия революционного и военного времени внесли свой вклад в повседневный гардероб жителей Петрограда. Перестройка промышленности на военные нужды и связанная с этим нехватка необходимых материалов для нужд гражданского населения являлись главными факторами, отразившимися на особенностях повседневной одежды населения столицы. Революция также принесла свои модные тенденции, сообразные условиям переживаемого момента, в частности, подчеркнутый эгалитаризм в одежде и увлечение красным цветом, пришедшее прямо с революционных улиц города. Модные журналы заполнили образцы одежды, схожие с военной формой, популярными были траурные фасоны. Ограничение поставок одежды из-за границы породило фантазии на тему русских национальных костюмов, в которых видели замену дорогим европейским образцам. Женские журналы предлагали простые и экономичные образцы одежды, печатали советы по пошиву и перекрою вещей в домашних условиях.

Летом 1917 г. в Петрограде забастовала прислуга, в том числе и прачки. Резко поднявшиеся в этой связи тарифы привели к отказу населения от подорожавших услуг.

Острый дефицит обуви начался в Петрограде уже весной 1917 г. Очереди в обувные магазины не уступали «хвостам» за продовольственными товарами. Летом 1917 г. городские

власти предприняли меры по рационализации распределения обуви среди городского населения. Предполагалось карточное нормирование при распределении обуви как товара первой необходимости. Домовые комитеты должны были составлять списки кандидатов на получение обуви. На приобретение обуви комитеты давали удостоверение, по которому можно было получить ордер на обувь в местном продовольственном комитете. По подсчетам одна пара обуви приходилась на 55 чел., что не удовлетворяло потребности всех нуждающихся.

В то же время, на потребительском рынке цены на обувь и различные элементы гардероба выросли в пять и более в сравнении с довоенными. Для удовлетворения потребительского спроса городские власти предприняли попытку наладить поставки готовой одежды из-за границы.

Осенью городские власти, в связи с острой нехваткой тканей, приняли меры по нормированному распределению тканей. В условиях острого дефицита материалов даже состоятельные горожане не могли позволить себе пошив готового платья, а на страницах модных журналов появились советы по изготовлению мужской рубашки в домашних условиях.

Список литературы

1. Стриженова Т. К. Из истории советского костюма. М.: Советский художник, 1972. 112 с.
2. Виртанен М. А. Советская мода. 1917–1991. Исторический альбом. М.: Яуза, Дримбук, 2021. 560 с.
3. Руан К. Новое платье империи: история российской модной индустрии, 1700–1917 / пер. с англ. К. Щербино. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 416 с.: ил.
4. Журавлев С. В., Гронов Ю. Мода по плану: история моды и моделирования одежды в СССР, 1917–1991. М.: ИРИ РАН, 2013. 496 с., 32 л. ил.
5. Агеева Е. А. Особенности потребительского поведения женщин на российском рынке роскоши в период Первой мировой войны // Женщина в российском обществе. – 2015. – № 3/4 (76/77). – С. 147–158.
6. Федюк В. П. Россия в 1917 г.: революционная мода // Ярославский педагогический вестник. – 2020. – № 6 (117). – С. 182–188.
7. Ривош Я. И. Время и вещи. Очерки по истории материальной культуры в России начала XX в. М.: Искусство, 1990. 304 с.
8. Прислуга в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. / отв. ред. В. А. Веременко. СПб.: Медиапапир, 2021. 572 с.
9. Вестник моды. – 1917. – № 2, 5, 7, 8, 13–14, 16, 20, 22.
10. Дамский мир. – 1917. – № 4–5.

11. Петроградский голос. – 1917. – № 179.
12. Петроградский листок. Политическая, общественная и литературная газета. – Петроград, 1917. – № 54, 60, 78, 81, 179, 182, 187, 193, 216, 217, 245, 247.
13. Петроградская газета. Политическая и литературная газета. – Петроград, 1917. – № 79, 90, 143, 162, 190, 227, 235.
14. Бич. Сатирический еженедельник. – 1917. – № 21.
15. Пугач. Еженедельный художественный сатирический журнал. – 1917. – № 1.
16. Стрекоза. – Петроград, 1917. – № 30.
17. Бенуа А. Н. Мой дневник. 1916–1917–1918. М.: Русский путь, 2003. 700 с.
18. Бубликов А. А. Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). Печатления и мысли очевидца и участника. М.: Гос. публ. ист. библиотека, 2018. 160 с.
19. Гиппиус З. Н. Петербургский дневник. М.: Сов. Писатель, 1991. 125 с.
20. Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910 гг. Л.: Лениздат, 1991. 387 с.
21. Кшесинская М. Воспоминания. М.: Центрполиграф, 2003. 414 с.
22. Набоков В. Временное Правительство (воспоминания). М.: Изд-во Московского ун-та СП «Ост-Вест Корпорейшн», 1991. 80 с.
23. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 163. Д. 347.
24. ОР РНБ. Ф. 406. Д. 321.
25. ОР РНБ. Ф. 503. Д. 311.
26. Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны / под ред. С. В. Ярова. М.: Центрполиграф, 2013. 543 с.
27. Женское дело. – 1917. № 5, 6–7.
28. День. Общественно-политическая газета. – Петроград, 1917. – № 116.
29. Русский инвалид. Военная газета. – Петроград, 1917. – № 215.

What did the population of Petrograd wear in February-October 1917

Vladimir V. Bobrovnikov

The article deals with clothing and fashion in revolutionary Petrograd in February-October 1917. To solve the research objectives the testimonies of contemporaries and materials of the periodical press are analyzed. The emphasis is placed on the changes in the everyday wardrobe of the city population, which occurred under the influence of the revolution and wartime. The availability of various items of clothing as essential goods is shown.

During the First World War, the bulk of the produced fabrics was sent to the needs of the front. For this reason, there were almost no fabrics left for the civilian market. The new trends of the revolutionary era were egalitarianism in clothing and the fashion for red that came from the streets. Military and mourning styles were also popular. Fashion magazines offered cost-effective clothing designs

and printed advice for tailoring at home. A servants' strike in the summer led to higher tariffs, which led to consumers' turning away from laundry services. Due to a shortage of shoes in the summer of 1917, the city decided to issue shoes on a card basis. The measures taken by the authorities did not satisfy consumer demand, and in the market the price of shoes and other wardrobe items increased several times. The shortage of tissues led to their rationing in the fall of 1917. Even wealthy citizens in such circumstances could not afford tailoring a ready-made dress.

Key words: city daily life, costume, fashion, shoes, cloth, Petrograd, Revolution of 1917.

For citation: Bobrovnikov, V. V. (2023). Vo chto odevalis' zhiteli Petrograda v fevrale – oktjabre 1917 g. [What did the population of Petrograd wear in February – October 1917]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 2. Pp. 110–125. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_2_110

References

1. Strizhenova, T. K. (1972) *Iz istorii sovetskogo kostyuma* [From the history of the Soviet costume]. Moscow: Soviet artist. (In Russ.)
2. Virtanen, M. A. (2021) *Sovetskaya moda. 1917–1991. Istoricheskij al'bom* [Soviet fashion. 1917–1991. Historical album]. Moscow: Yauza, Dreambook. (In Russ.)
3. Ruan, K. (2011) *Novoe plat'e imperii: istoriya rossijskoj modnoj industrii, 1700–1917* [The new dress of the empire: the history of the Russian fashion industry, 1700–1917]. transl. from English. K. Shcherbino. Moscow: The New Literary Observer. (In Russ.)
4. Zhuravlev, S. V., Gronov, Yu. (2013) *Moda po planu: istoriya mody i modelirovaniya odezhdy v SSSR, 1917–1991* [Fashion according to plan: the history of fashion and clothing design in the USSR, 1917–1991]. Moscow: IRI RAS. (In Russ.)
5. Ageeva, E. A. (2015) *Osobennosti potrebitel'skogo povedeniya zhenshchin na rossijskom rynke roskoshi v period Pervoj mirovoj vojny* [Peculiarities of consumer behavior of women in the Russian luxury market during the First World War] // *ZHenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian society]. No. 3/4 (76/77). Pp. 147–158. (In Russ.)
6. Pedyuk, V. P. (2020) *Rossiya v 1917 g.: revolyucionnaya moda* [Russia in 1917: revolutionary fashion] // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. No. 6 (117). Pp. 182–188 (In Russ.)
7. Rivosh, Ya. I. (1990) *Vremya i veshchi. Ocherki po istorii material'noj kul'tury v Rossii nachala XX v.* [Time and things. Essays on the history of material culture in Russia at the beginning of the 20th century]. Moscow: Art. (In Russ.)
8. Veremenko, V. A. (2021) (ed.) *Prisluga v Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [Servants in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries.]. St. Petersburg: Mediapapir. (In Russ.)
9. *Vestnik mody* [Fashion Bulletin] (1917). No. 2, 5, 7, 8, 13–14, 16, 20, 22. (In Russ.)
10. *Damskij mir* [Ladies' World] (1917). No. 4–5. (In Russ.)
11. *Petrogradskij golos* [Petrograd voice] (1917). No. 179. (In Russ.)
12. *Petrogradskij listok* [Petrograd sheet] (1917). Politicheskaya, obshchestvennaya i literaturnaya gazeta [Political, social and literary newspaper]. Petrograd, No. 54, 60, 78, 81, 179, 182, 187, 193, 216, 217, 245, 247. (In Russ.)
13. *Petrogradskaya gazeta* [Petrograd newspaper] (1917). Politicheskaya i literaturnaya gazeta [Political and literary newspaper]. Petrograd, No. 79, 90, 143, 162, 190, 227, 235. (In Russ.)
14. *Bich* [Bich] (1917). *Satiricheskij ezhenedel'nik* [Satirical weekly], No. 21. (In Russ.)
15. *Pugach* [Pugach] (1917). *Ezhenedel'nyj hudozhestvennyj satiricheskij zhurnal* [Weekly artistic satirical magazine]. No. 1. (In Russ.)

16. *Strekoza* [Dragonfly] (1917). Petrograd, No. 30. (In Russ.)
17. Benois, A. N. (2003) *Moj dnevnik. 1916–1917–1918* [My diary. 1916–1917–1918]. Moscow: Russkij put'. (In Russ.)
18. Bublikov, A. A. (2018) *Russkaya revolyuciya (ee nachalo, arest carya, perspektivy). Vpechatleniya i mysli ochevidca i uchastnika* [Russian revolution (its beginning, arrest of the tsar, prospects). Impressions and thoughts of an eyewitness and participant]. Moscow: State. publ. ist. library. (In Russ.)
19. Gippius, Z. N. (1991) *Peterburgskij dnevnik* [Petersburg diary]. Moscow: Sov. Writer. (In Russ.)
20. Zasosov, D. A., Pyzin, V. I. (1991) *Iz zhizni Peterburga 1890–1910 gg.* [From the life of St. Petersburg 1890–1910.]. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)
21. Kshesinskaya, M. (2003) *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russ.)
22. Nabokov, V. (1991) *Vremennoe Pravitel'stvo (vospominaniya)* [Provisional Government (memoirs)]. Moscow: Publishing House of the Moscow University JV "Ost-West Corporation". (In Russ.)
23. *Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki* (OR RNB) [Department of Manuscripts of the Russian National Library (DM RNL)]. F. 163. D. 347. (In Russ.)
24. *OR RNB* [DM RNL]. F. 406. D. 321. (In Russ.)
25. *OR RNB* [DM RNL]. F. 503. D. 311. (In Russ.)
26. Yarova, S. V. (2013) (ed.) *Petrograd na perelome epoh. Gorod i ego zhiteli v gody revolyucii i Grazhdanskoj vojny* [Petrograd at the turn of the era. The city and its inhabitants during the years of the revolution and the Civil War]. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russ.)
27. *ZHenskoe delo* [Women's business] (1917). No. 5, 6–7. (In Russ.)
28. *Den'* [Day] (1917). *Obshchestvenno-politicheskaya gazeta* [Socio-political newspaper]. Petrograd, No. 116. (In Russ.)
29. *Russkij invalid* [Russian invalid] (1917). *Voennaya gazeta* [Military newspaper]. Petrograd, No. 215. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.03.2023

Одобрена после рецензирования 29.03.2023

Принята к публикации 10.04.2023